

Эпикур, нашедший лекарство от страха

Врата Сада: Здесь удовольствие —
высшее благо

Эпикур считается основателем одной из четырех главных школ эпохи эллинизма: наряду с эпикурейцами в это время были популярны стоики, скептики и неоплатоники. Историки обычно начало этой эпохи связывают с завоеваниями Александра Македонского. Однако провести хронологическую черту между классической и эллинистической мыслью непросто. Аристотель фактически жил в эту эпоху, но оставался философом классической Греции, в то время как жившие ранее киники уже предвещали философию эллинизма. Отличие, скорее, заключается в том, что философия эллинизма — это философия империи, в то время как классическая — полиса. Для полисной философии человек, понимаемый как «животное политическое» и как микрокосм, оказывается гомологичным полису, а затем и космосу. Но внутри империи человек не может себя осознавать тождественным социуму — его голос просто не слышен на площади, он не может телесно, глазами, ногами, как того требовал в своей «Политике» Аристотель, измерить империю; он зачастую не может охватить умом процессы, определяемые верховной властью, находящейся далеко от простого человека. Он чувствует себя потерянным в несоразмерном ему мире. Поэтому возникают различные специфические тревоги и страхи, а также необходимость их преодолеть и вернуть человеку гармонию с самим собой и миром.

Вместе с тем появляется частное пространство, которого почти не было в классическую эпоху, выходя-

щее за рамки социального и даже противостоящее ему. Личность должна опираться на какие-то «автономные» добродетели и представления о морали, поскольку общество уже не может предложить ей этические нормы. Именно это является главным устремлением всех эллинистических школ: найти основания автономной этики ради исцеления души. Можно сказать, что главные школы эллинизма были конкурирующими психотерапевтическими школами. Эта деятельность была очень востребована не только любителями мудрости, но и широкой публикой. Философия становилась популярной и, более того, оставалась такой и дальше: сторонники эпикурейцев, скептиков, стоиков были во все последующие времена.

Само слово «эпикур» в переводе означает «защитник», «спаситель». Некоторые исследователи полагают, что это не имя, а сознательно выбранное прозвище. Эпикур родился в 341 или 340 году до н. э., в 10-й или 7-й день гамелиона (конец января) на острове Самосе. Этот остров в 439 г. до н. э. был захвачен афинянами под предводительством Перикла. Отец Эпикура Неокл был афинским гражданином, клерухом, получившим как колонист небольшой надел земли (клер), недостаточный для того, чтобы прокормить семью. Поэтому он зарабатывал на жизнь, будучи школьным учителем, и Эпикур продолжил дело отца. Мать, Херестрата, зарабатывала, читая заклинания в чужих домах, и противники Эпикура распускали слухи, что Эпикур помогал в этом матери. Если это так, то можно понять, почему Эпикур пришел к мысли о тщетности обращения к богам за помощью. В 14 лет Эпикур спросил у своего учителя грамматики, что значит слово «хаос» в «Теогонии» Гесиода. Учитель сказал, что на такой вопрос может ответить только философ, и это стало импульсом для обращения Эпикура к философии. В пятнадцатилетнем возрасте Эпикур оказывается в малоазийском городе

Эпикур, нашедший лекарство от страха

Теос, где в школе последователя Демокрита Навсифана знакомится с атомизмом, который ляжет в основу его философской системы. Недруги Эпикура будут потом злословить, что он списал свои труды с «Треножника» Навсифана, поэтому Эпикур часто нелестно отзывался о своем учителе, чтобы подчеркнуть свою оригинальность, вплоть до того, что называл его, как передает Диоген Лаэртский, «слизнем, неучем, плутом и бабнем»¹. Затем в 18 лет Эпикур отправился в Афины, где по обычаю того времени стал эфебом — молодым человеком, обязанным нести военную службу для обретения полноты гражданских прав. В Афинах он также изучал философию, среди его учителей называют перипатетика Праксифана и платоника Ксенофана. Неизвестно, был ли действительно Эпикур их учеником, однако ясно, что его знакомство с философией не исчерпывалось изучением Демокрита. Сам же Эпикур утверждал, что он не является чьим-либо учеником.

В 322 году до н. э. регент македонской империи Пердикка вынудил афинских клерухов покинуть Самос, и Неокл с семьей перебрались в Колофон. Эпикур вернулся к семье и в 310 году до н. э. основал собственную школу. Затем он долгое время жил в Митилене и Лампсаке, а в 306 году до н. э. обосновался в Афинах, где купил знаменитый сад за стенами города (возможно, он так и не обрел всех прав, позволявших покупать землю в самом городе), в котором и собирались его ученики.

Остаток жизни он прожил в своей школе, получившей название «Сад», лозунг на воротах которой гласил: «Гость, тебе здесь будет хорошо. Здесь удовольствие —

¹ Здесь и далее Диогена Лаэртского цитируем в переводе М.Л. Гаспарова по изданию: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 371. (Далее: Диоген Лаэртский).

высшее благо», — занимаясь написанием трудов и общением с учениками.

Эпикур был очень плодовитым автором, написавшим около 300 книг, однако сохранились лишь три письма (к Геродоту, Пифоклу и Менекею), собрания афоризмов, известные под названием «Главные мысли» и «Ватиканское собрание», фрагменты труда «О природе», обнаруженные в XVIII веке в геркуланских папирусах и содержащие множество трудов эпикурейцев, прежде всего Филодема Гадарского (предположительно это рукописи из его библиотеки), Метродора Лампсакского, Деметрия Лаконского, Колота, Полистрата и других.

Скончался Эпикур в мучениях, от камня в почках, в 271 или 270 году до н. э. Перед смертью он писал: «Гермарху от Эпикура привет! Когда я писал тебе это, я переживал счастливый день, который вместе и мой последний день. Меня терзали такие муки мочевого пузыря и телесные страдания, что ничего, кажется, нельзя было прибавить к их силе. Но страданиям тела противопоставил я радость духа, исходившую из воспоминания о моих размышлениях. Ты же, Гермарх, чтобы дать новое доказательство той привязанности, которую ты смолоду питаешь ко мне и моей философии, имей попечение о детях Метродора»¹. Гермарху же он завещал Сад (где должны были собираться в память о нем) и все свои книги.

Сад: ограда, деревья, плоды

Главная часть учения Эпикура — этика, учащая счастливой жизни. Однако, прежде чем обратиться к этике, необходимо очистить разум от ошибок в мышлении и неправильного восприятия мира. Чтобы избавить

¹Цитируем по: Гончарова Т. В. Эпикур. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 293.

Эпикур, нашедший лекарство от страха

человека от тревог и дать ему душевное равновесие, нужно понять причины страхов, главными из которых являются страх перед богами и страх перед смертью. Поэтому Эпикур исследует логику (или, точнее, канонику, как он это называл) и физику. Но, изучая эти дисциплины, нужно иметь в виду конечную этическую цель. Эпикура интересует не то, как устроены мышление и мир, а то, как мы должны мыслить и воспринимать мир, чтобы стать счастливыми: «Если бы нас не смущали подозрения, не имеют ли к нам какого отношения небесные явления или смерть, и если бы не смущало неведение пределов страданий и желаний, то нам незачем было бы даже изучать природу»¹.

Стоики, соперники эпикурейцев, также делили философию на эти три дисциплины и выражали их соотношение при помощи метафоры сада: логика — ограда, физика — деревья, этика — плоды. Сад Эпикура стал как бы воплощенной метафорой.

Каноника: нить в лабиринте симулякров

Учение о познании Эпикур называет каноникой, от слова «канон» (правило), а не логикой или диалектикой, как у других философов. Эпикур полагал, что сложные гносеологические теории, вроде платоновской или стоической, только запутывают людей. Он также не считал нужным выделять канонику в осо-

¹ Эпикур. Главные мысли, 11. Здесь и далее Письма и Главные мысли Эпикура цитируем в переводе М.Л. Гаспарова по изданию: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 407–8. (Далее: Диоген Лаэртский).

бую часть философии, считая ее предварительной частью физики.

Человек может мыслить ясно, если он будет полагаться на три простых «критерия» познания: ощущение (αἰσθήσεις), предвосхищение (προλήψεις) и претерпевание (πάθη). Содержание ощущения всегда является истинным: даже если нам что-то видится во сне или в состоянии умопомрачения, всё равно то, что мы ощущаем, равно самому себе. Мы не можем опровергнуть ощущения ни другим ощущением, поскольку все ощущения равноценны, ни рассуждением, поскольку все рассуждения основаны на ощущениях. Об истинности ощущений говорили еще софисты, согласно которым «человек есть мера всех вещей»: если человек с больной гортанью воспринимает мед как горький, то он для него именно таков, равно как для здорового — сладок. Но софисты полагали, что ощущения не дают нам основания выносить разумные суждения о том, каковы вещи сами по себе, каков вкус меда на самом деле. Согласно же Эпикуру ощущение дает нам прямой доступ к вещи. Ведь вещи постоянно испускают свои материальные копии, эйдолоны, сохраняющие их характеристики, которые на нас физически воздействуют так, как если бы вещь воздействовала непосредственно (подробнее об этом в разделе про физику). Разумеется, порой мы видим оптические иллюзии, например, переломанную ложку в стакане с водой. Однако совершенно истинно, что ложка в воде нам представляется такой, и было бы странно, если бы она казалась целой. Обманываемся мы, только если выносим суждение, что ложка сломана; однако при ближайшем рассмотрении, вынув ложку, мы убеждаемся в ее целостности. Конечно, есть ряд факторов, которые препятствуют нашему восприятию: удаленное расстояние до воспринимаемого предмета, состояние нашего организма и органов

Эпикур, нашедший лекарство от страха

восприятия, среда (туман, темнота), сохранность полученного впечатления. Однако благодаря опыту все эти препятствия устранимы. Проблема, которая ставила в тупик софистов и скептиков, — какова башня, видимая издали, круглая или прямоугольная в плане, — решается легко, нужно лишь подойти к башне. Ошибочные и поспешные выводы, которые мы можем сделать, не дискредитируют чувственное познание в целом; напротив, сомнения могут основываться только на несомненном основании. Эпикур делает софистам и скептикам такое возражение: «Если ты борешься со всеми ощущениями, тебе не на что будет сослаться при суждении о тех из них, которые, по твоим словам, лживы»¹. Схожее рассуждение высказывает крупнейший философ и логик XX века Людвиг Витгенштейн, разрабатывая свою теорию достоверности: «Попытавшийся усомниться во всём не дошел бы до сомнения в чём-то. Игра в сомнение уже предполагает уверенность» (О достоверности, 115). Ученик Эпикура Колот в сочинении «О том, что невозможно жить, если следовать учению других философов», обращенном к правителю Египта Птолемею, подверг критике все скептически направленные учения, в которых высказано сомнение в истинности чувственного знания: Демокрита, Парменида, Эмпедокла, Сократа, Мелисса, Платона, Стильпона, киренаиков и Аркесилая. Каждый пассаж он начинал со слов: «Как можно жить, если...» — люди, отрицающие истинность чувств, не смогут есть или перемещаться, защититься от угроз и, более того, не смогут даже сказать, живы они или мертвы.

Однако в гносеологии Эпикура возникает другая проблема: как нам познавать небесные объекты? Ведь о полетах тогда люди лишь мечтали. Этот вопрос очень

¹ Эпикур. Главные мысли, 23 (Диоген Лаэртский, С. 409).

важен, ибо именно неправильное восприятие небесных явлений, грома, молнии, образов, рождающихся в облаках, порождает страх перед богами. Эти проблемы можно решить, если строить гипотезы, которые не должны противоречить земному опыту; таких равно истинных гипотез может быть несколько, однако все они исключают «баснословие», то есть возведение небесных явлений к деятельности богов. Эта позиция вызывала удивление у критиков Эпикура, а порой и смущение у его последователей. Ведь если существуют противоречащие гипотезы, то только одна из них может быть верной. Сторонники Эпикура указывали на то, что любое физическое явление может быть результатом множества причин, и теория Эпикура имеет в виду это. Другие указывали, что, например, затмение Луны может вызываться в одном случае тем, что между Землей и небом возникает какой-то объект, в другом — что на Луну падает тень Земли. Лукреций вообще высказывал смелое предположение, что если гипотезы радикально исключают друг друга, то это значит, что в одном из множества миров истинной оказывается одна гипотеза, а в другом — другая (О природе вещей, V, 526–533). Но целью Эпикура отнюдь не было отыскать истинную причину снегопада или затмения: даже исключая друг друга гипотезы в любом случае исключают действия богов, поэтому чем больше гипотез, тем лучше. Только в главных вопросах, касающихся достижения блаженства, нельзя допускать такой неопределенности.

Еще одна проблема в том, что главные понятия физики Эпикура — атомы и пустота, — равно как их свойства, неясны (ἄδηλα), бесчувственны, как выражался Михайло Ломоносов — не даны нам в опыте. К представлению о таких вещах Эпикур приходит путем рассуждения, отталкиваясь от фактов опыта, которые рассматриваются как «знаки». Например, мы видим,

Эпикур, нашедший лекарство от страха

как в мире происходит движение, и это понуждает нас принять, что существует пустота, в которой вещи могли бы двигаться. Позже принципы выведения явного из неявного подробно разрабатывает Филодем в трактате «О знаках». Согласно ему существует два способа рассуждения. Первый способ, исключения, предполагает жесткую логическую связь между неявной и очевидной вещами, такую, что если исключить неявную вещь, то придется исключить и очевидную. Например, в случае с движением и пустотой: если исключить существование пустоты, то придется исключить и существование движения. Второй способ, подобия, состоял в том, чтобы по очевидной вещи заключать о подобной или аналогичной ей неявной (например, если все известные нам люди смертны, то любой подобный им человек вне пределов нашего восприятия тоже смертен).

Претерпевания — наш внутренний опыт, наши чувства, из которых главными являются наслаждение и страдание. Они тоже всегда истинны: боль, которую ощущает человек, всегда боль, даже если она фантомная или неврологическая. Претерпевания определяют наше поведение: будем ли мы стремиться к чему-либо или избегать этого.

Предвосхищение, пролепсис, это образ некой вещи, сложившийся благодаря многократному опыту: если мы много раз видели лошадь, у нас формируется нечто вроде эмпирического понятия, которое всплывает в уме при слове «лошадь» и затем нам позволяет опознавать других лошадей и отличать их от коров. Природа предвосхищения вызывала споры. Порой пытались видеть в них априорные понятия, то есть существующие до опыта и определяющие опыт. И действительно, некоторые понятия имеют такой априорный характер, например, идея божества, существующая у всех людей, несмотря на то, что божество мало кому встречалось в опыте. Впрочем, тот факт, что у людей

есть такая идея, также является эмпирическим. Однако остальные понятия едва ли можно считать априорными. Сам Эпикур считал, что все без исключения понятия берутся из опыта: «Все наши помышления возникают из ощущений в силу их совпадения, соразмерности, подобия или сопоставления, а разум лишь способствует этому»¹. В отличие от концепций других философов, полагавших, что понятия нужно определять, и разрабатывавших сложные процедуры вроде диалектики или платоновского «припоминания» врожденных идей, пролепсис Эпикура как раз не нуждается в определении, поскольку базируется на чувственной очевидности. Чтобы правильно мыслить, нужно лишь держаться «первого значения» слова. Это первое значение не случайно и не является результатом соглашения: «Сама человеческая природа у каждого народа, испытывая особые чувства и получая особые впечатления, особым образом испускала воздух под влиянием каждого из этих чувств и впечатлений, по-разному в зависимости от разных мест, где обитали народы; лишь потом каждый народ установил у себя общие названия, чтобы меньше было двусмысленности в изъяснениях и чтобы они были короче»². Такая теория позволяет разрешить проблему, которую в философии языка обсуждают до сих пор: если мы будем давать определение каждому слову, то нам потребуется давать определение словам, из которых состоит предыдущее определение, и так до бесконечности, и мы в таком случае вообще не сможем о чем-либо рассуждать.

Последователи Эпикура также разрабатывали четвертый критерий, «фантастический бросок мысли», эпиболэ: человек предполагает, что некий предмет в тумане — лошадь, а затем он может это проверить.

¹ Диоген Лаэртский. С. 377.

² Эпикур. Письмо к Геродоту. (Диоген Лаэртский. С. 389).

Эпикур, нашедший лекарство от страха

Гносеология Эпикура по большей части обращена к зрению как к основному чувству, но слух и обоняние действуют таким же образом. Что касается осязания и вкуса, то Эпикур отдельно не рассматривает их, по-видимому, из-за того, что в этом случае непосредственное воздействие предмета на орган чувств очевидно, а то, что очевидно, не требует объяснений.

Физика: атомы, пустота и свобода

Древнегреческие натурфилософы постоянно искали «архэ», первоначала, элементы, из которых создан мир. Найти такие первоначала непросто, они должны соответствовать ряду жестких критериев. Эти начала должны быть действительно первыми и простыми, такими, чтобы их нельзя было свести к еще более простым началам. Они должны быть понятными для нашего ума, поскольку являются не только онтологическими началами, частичками, из которых создано все существующее, но и гносеологическими, то есть основаниями познания сложных вещей. Они при всей простоте должны содержать в себе креативные принципы для создания бесконечного разнообразия предметов, свойств и событий. В кандидаты на роль первоначала выдвигались различные элементы, обнаруживаемые в природе: вода (Фалес), воздух (Анаксимен), огонь (Гераклит). Эмпедокл создал своего рода «таблицу Менделеева» из четырех элементов (вода, воздух, огонь и земля) и двух сил (любви и ненависти). Эта простая таблица, дополненная Аристотелем квинтэссенцией, пятым элементом, эфиром, из которого создан надлунный мир, прослужила людям более двух тысячелетий. Но некоторые натурфилософы не удовлетворялись поиском таких элементов в природе и полагали, что найти эти начала мы можем только путем размышлений. Так появились апейрон (беспредельное) Анаксимандра, гомеомерии

(мельчайшие подбочастные) Анаксагора, а также атомы и пустота Демокрита, которые затем будет использовать Эпикур.

К идее атомов и пустоты, не данных нам непосредственно в опыте, можно прийти при помощи рассуждения. Пустота обосновывается тем фактом, что в мире есть движение. Обосновать существование атомов сложнее. Но очевидно, что все вещи в мире разрушаются. Если мы допустим, что любая из частей в свою очередь также разрушима, то непонятно, почему всё давно уже не стерлось в мельчайшую пыль и как из этой непрерывно разрушающейся пыли могут собираться вещи. Поэтому в основе всех изменений, любого возникновения и уничтожения, должны быть атомы, то есть буквально «нечто неделимое» (отметим, что сам Демокрит не использовал субстантивированное прилагательное «атом» как термин). Эпикурейцы усиливают этот аргумент таким рассуждением: если частицы делятся бесконечно, но обладают ненулевой протяженностью, то любой предмет состоит из бесконечного числа частиц, и сколь малы ни были бы частицы, их бесконечная сумма дает бесконечную величину. То есть любой предмет нашего мира должен был бы иметь бесконечный размер.

Концепция Демокрита была подвергнута критике Аристотелем. Какими бы малыми ни были атомы, они имеют некоторую пространственную протяженность, а значит, обладают частями и потенциально делимы. Любая протяженность делима, поэтому мы никогда не можем прийти до неделимого элемента, имеющего протяженность. неделимой может быть только математическая точка, не имеющая вовсе протяженности, однако из таких точек мы не можем составить физическое тело. Это критическое замечание Эпикура, учившийся у перипатетика Праксифана, по-видимому, учел. Он не отрицает протяженности атома и наличия у него ча-

Эпикур, нашедший лекарство от страха

стей, однако не считает, что любой протяженный предмет обязательно должен быть делимым. Делимо только то, между частями чего имеется пустота, а атомы абсолютно плотны.

Аристотель также критикует концепцию движения Демокрита. Демокрит не считал, что у атомов есть собственный принцип движения, и допускал только внешний толчок, который запускает вихревое движение, подталкивающее затем само себя. Но откуда берется первоначальное движение? Что объясняет хаотичный характер движения атомов? Эпикур считает таким источником движения тяжесть атомов, которая побуждает их падать вниз, причем не хаотично, а прямо и с одинаково большой скоростью (тем самым предваряя эксперименты Стевина (1586) и Галилея (1589), доказывающие, что тела разных масс падают с одинаковым ускорением). Эта концепция в свою очередь также вызывала критические замечания. Где, собственно, у бесконечности верх и низ? Плутарх иронизировал, что Эпикур наделяет пустоту головой и ногами (Об упадке оракулов). Также возникает самая сложная проблема эпикурейской физики — как объяснить взаимодействие эти летящих параллельно друг другу атомов?

Помимо этого, есть и другие принципиальные отличия эпикуровской атомистики от демокритовской, не позволяющие говорить, что Эпикур «украл» физику у Демокрита. Согласно Демокриту, неделимые частицы могут иметь различные размеры, даже величиной в стол или Землю (впрочем, как бы ни был велик атом, мы всё равно не сможем его увидеть в силу того, что атом, будучи простым, не может испускать «видностей», состоящих из атомов же). Они также имеют различные сложные формы: угловатые, шероховатые, крючковатые и т. д., и бесчисленное множество различных видов. Будучи различными по массе, они хаотично движутся с разной скоростью (Демокрит, в отличие от

Эпикура, считал, что скорость падения пропорциональна массе тела). Они сталкиваются, схожие атомы притягиваются по принципу симпатии (впрочем, при этом сохраняя определенный промежуток), а порой и цепляются крючками, и образуют различные вещи и бесконечное множество миров.

Однако самое большое и принципиальное отличие атомистических учений Демокрита и Эпикура заключается в их трактовке необходимости и свободы. Мир Демокрита оказывается абсолютно детерминистическим: состояние мира в настоящий момент предопределяется предыдущим состоянием как своего рода судьбой. Для Эпикура такая позиция еще более неприемлема, чем представление о том, что все события в мире происходят по воле богов. «Лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками, – басни дают надежду умиловить богов почитанием, в судьбе же заключена неумолимая неизбежность», — отмечает Эпикур в письме к Менекею. Поэтому его учение об атомах должно быть построено так, чтобы допустить в мире случайные события и свободные действия разумных существ.

Эпикур разрабатывает теорию клинамена (мельчайшего отклонения), самую сложную и оригинальную свою концепцию, призванную решить сразу несколько проблем — объяснить взаимодействие параллельно летящих атомов, спонтанные события в мире и поддержать свободу воли в этике. Для того, чтобы атомы вступили во взаимодействие, нужно допустить отклонение на минимально возможное расстояние, которое невозможно ни увидеть, ни помыслить. Физика и этика здесь оказываются максимально переплетенными: с одной стороны — коль скоро существуют спонтанные события в неживой природе, то тем более существует спонтанность и в нашей душе, с другой — от воспринимаемого нами факта свободы